И 25/987

804-14
870

И. А. КРЫЛОВЪ

и

ЕГО БАСНИ.

Чтеніе профессора **П. В. Владимірова** въ засѣданіи Историческаго Общества Нестора лѣтописца 20 ноября 1894 года.

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго Михайловская улица, домъ № 4-й.
1895.

Печатано по постановленію Совѣта Общества Нестора лѣтописца.
(Оттискъ изъ IX-й книги „Чтенія въ Историч. Общ. Нест. лѣт.“).

38299-0
2011094757

И. А. Крыловъ и его басни.

9-го ноября исполнилось пятидесятилѣтіе со дня смерти нашего знаменитаго баснописца, Ивана Андреевича Крылова. Его басни давно уже сдѣлались народной книгой въ лучшемъ смыслѣ этого слова, распространились въ громадномъ количествѣ экземпляровъ, доходящихъ теперь до полмилліона, переведены на всѣ европейскіе языки, составляютъ лучшій педагогическій матеріалъ въ русской школѣ; мало того, ихъ нравоученія, ихъ художественные образы оживаютъ въ памяти всѣхъ образованныхъ русскихъ людей, всякій разъ когда въ жизни встрѣчаются тѣ и общечеловѣческіе и національные недостатки, которые изобразилъ знаменитый русскій баснописецъ въ своихъ людяхъ, животныхъ, насѣкомыхъ и неодушевленныхъ предметахъ. А между тѣмъ пятьдесятъ лѣтъ послѣ смерти Крылова никто изъ русскихъ писателей не принимался и, конечно, не примется уже за эту такъ сказать отжившую форму литературы. Невольно является вопросъ: чему же обязаны басни Крылова своей долговѣчностью, о которой еще Бѣлинскій предсказывалъ: «слава Крылова будетъ расти и пышнѣй расцвѣтать, до тѣхъ поръ, пока не умолкнетъ звучный и богатый языкъ въ устахъ великаго и могучаго народа русскаго. Крыловъ сдѣлается вполнѣ народнымъ писателемъ, когда русскій народъ весь сдѣлается грамотнымъ»?—Басни Крылова невольно вызываютъ представленіе и о самомъ баснописцѣ. И вотъ по этимъ баснямъ Пушкинъ еще въ 1825 г. называетъ Крылова—«истиннымъ представителемъ духа своего народа, своихъ единоземцовъ», Гоголь—«поэтомъ и мудрецомъ, крѣпкой русской головой», Бѣлинскій—«поэтомъ здраваго смысла, житейской мудрости», и т. д. Мы всѣ, какъ и наши дѣти, повторяемъ мѣткое выраженіе кн. П. А. Вяземскаго, сказанное въ стихахъ на

пятидесятилѣтнемъ юбилеѣ Крылова въ 1838 г.,—«дѣдушка Крыловъ»! Такимъ мудрымъ дѣдушкой, съ книгой въ рукахъ, и съ спокойной, глубокой думой въ лицѣ, и изображенъ нашъ баснописецъ на извѣстномъ памятникѣ въ Лѣтнемъ саду, въ Петербургѣ. А между тѣмъ, кто не знаетъ множества анекдотовъ и разсказовъ о жизни Крылова въ Петербургѣ, въ которыхъ передъ нами является почти чудакъ, неподвижный, разсѣянный, страстный любитель хорошо поѣсть, поспать, поиграть въ карты, почти одинокій, безсемейный, котораго только друзья то вызывали на трудъ, то хлопотали о его удобствахъ, почестяхъ, наградахъ. А самъ поэтъ въ это время безстрастно продолжалъ вести однообразную жизнь, довольный своей обстановкой. По разсказамъ онъ и умеръ отъ пресыщенія, поѣвши вдоволь на ночь тертыхъ рябчиковъ съ масломъ, на 77 году еще бодрой старости.

За отсутствіемъ біографическихъ данныхъ о доброй половинѣ жизни Крылова, на разсказы о которой онъ былъ скупъ и совершенно избѣгалъ всякихъ автобіографическихъ разъясненій, скупъ былъ и на письма, представляется большая трудность въ выясненіи этого замѣчательнаго русскаго характера. Къ счастью, благодаря серіозному научному изученію нашей прошлой литературы, нѣкоторыя существенныя черты біографіи Крылова понемногу уясняются. И еще недавно въ трудѣ академика Л. Н. Майкова появились интересныя новыя данныя о жизни и литературной дѣятельности Крылова (Историко-литературные Очерки. Спб. 1895 г.).

Мое настоящее чтеніе о Крыловѣ и его басняхъ посвящается самому сжатому, самому краткому очерку жизни Крылова и его басенъ. Входить въ подробности, въ спорные вопросы мнѣ нѣтъ здѣсь ни возможности, ни времени. Я попробую прежде всего остановиться на характеристикѣ Крылова, какъ человѣка, причемъ сверхъ его индивидуальныхъ особенностей, отмѣчу и нѣкоторыя общія—черты времени.

Крыловъ еще болѣе, чѣмъ Карамзинъ, благодаря своей долгой 77-лѣтней жизни, принадлежалъ двумъ вѣкамъ — второй половинѣ прошлаго и первой половинѣ—настоящаго. Какъ ни странно, но какъ въ жизни, такъ и въ литературной дѣятельности Крылова «вѣкъ нынѣшній и вѣкъ минувшій» представляются въ различныхъ чертахъ. Въ XVIII в. Крыловъ проявляетъ кипучую дѣятельность: онъ горячо

предается самообразованію, неутомимъ въ литературной дѣятельности,—то драматургъ и переводчикъ, то журналистъ и сатирикъ, даже лирическій поэтъ и баснописецъ, жизнь его до 1807 г. проходитъ въ разъѣздахъ по Россіи, причемъ онъ успѣваетъ перемѣнить нѣсколько служебныхъ и общественныхъ положеній. При этомъ рѣзко сказывается погоня за счастьемъ: любовь, богатство, слава манятъ его, но не даютъ ему удовлетворенья, мало того, онъ встрѣчаетъ много неудачъ. Въ XIX в. Крыловъ исключительно является баснописцемъ; въ жизни онъ предается неподвижности (30 лѣтъ своей одинокой жизни проводитъ на одной и той же казенной квартирѣ въ Императорской Публичной библіотекѣ) и невозмутимому покою. Мы видимъ передъ собой какъ будто «Портреты» Тургенева, въ которыхъ романистъ старался представить отличительныя черты русскихъ людей XVIII в. Только счастливая судьба выводила этихъ крѣпкихъ молодыхъ людей XVIII в. на настоящую славную дорогу. Въ скудныхъ учебныхъ заведеніяхъ, которыхъ и совсѣмъ еще не было во многихъ провинціальныхъ городахъ, они не получали правильнаго развитія. Вмѣсто того для дворянъ рано начиналась военная или гражданская служба, рано эти молодые люди обнаруживали холодный, дѣловой характеръ. Ложноклассическая литература, зарождавшіеся театръ и журналистика подстрекали къ самообразованію, къ переводамъ и опытамъ подражаній преимущественно французскимъ писателямъ. Почти всѣ они сталкивались или переживали такъ называемое «вольтерьянство», граничившее съ безбожіемъ съ одной стороны и съ философскимъ направленіемъ мысли—съ другой. Рядомъ съ погоней за благами міра, которыя были такъ обильны и такъ заманчивы во второй половинѣ XVIII в., существовали и рѣзко очерченныя нравственныя стремленія, проявлявшіяся въ сатирѣ и въ масонствѣ. Дополнимъ еще, что талантливѣйшими представителями русской литературы XVIII и даже начала XIX в. являются молодые люди, выбивавшіеся изъ недостаточной, нерѣдко бѣдной среды, къ какой принадлежали Крыловъ, Державинъ и др. Представленіе о XVIII в. было бы не полно, если бы не упомянуть о такъ называемомъ меценатствѣ, съ которымъ соединяется обыкновенно представленіе о непривлекательныхъ отношеніяхъ. Но надо сознаться, что въ этомъ русскомъ меценатствѣ были и хорошія стороны. Кажется только въ XVIII в., да въ началѣ XIX в. отсутствіе школъ и безразличныхъ благотворительныхъ отношеній къ бѣд-

нымъ, вознаграждалось покровительствомъ, и часто щедрымъ, образованію бѣдныхъ дѣтей и русскому просвѣщенію вообще. Тоже проявлялось и въ отношеніяхъ еще немногихъ русскихъ писателей и любителей отечественной литературы. Только всѣми этими общими условіями времени можно объяснить, какъ бѣдный сирота Крыловъ, оставшійся 8—9 лѣтъ по смерти отца, съ матерью и братомъ, не получившими пенсіи, выбился изъ незавиднаго положенія канцелярскаго писца и попалъ въ Петербургъ, гдѣ снова, при самыхъ скудныхъ средствахъ, достигъ положенія издателя журналовъ и затѣмъ независимаго положенія. Скудныя свѣдѣнія о дѣтствѣ и юности Крылова сводятся къ тому, что онъ родился въ Москвѣ 2 февраля 1768 г., шести лѣтъ былъ въ Яицкой крѣпости, когда отецъ его, армейскій капитанъ, со всей семьей былъ обреченъ пугачевцами на смерть, но храбро выдержалъ осаду, переѣхалъ затѣмъ въ Тверь, гдѣ и умеръ на гражданской службѣ. Въ Твери, по смерти отца, юный Крыловъ нашелъ покровителей, Львовыхъ, у которыхъ въ дому выучился французскому языку, поступилъ подканцеляристомъ въ Калязинскій судъ 13 лѣтъ, затѣмъ переѣхалъ съ матерью и братомъ въ Петербургъ, гдѣ служилъ въ казенной палатѣ канцеляристомъ, получая 2 р. жалованья въ мѣсяцъ. Бѣдность и ранняя самостоятельность, какъ старшаго въ семьѣ, развила въ Крыловѣ нѣжную любовь къ матери, умершей въ Петербургѣ въ 1788 г., и брату. Послѣднему—неудачнику офицеру—нашъ баснописецъ помогалъ и денежно и нравственно до 53 л., до конца его жизни. Смерть брата отозвалась горестнымъ чувствомъ одиночества уже у пожилаго и обезпеченнаго баснописца. Канцелярская служба въ Петербургѣ ничего не дала Крылову. Онъ и оставилъ ее, какъ только получилъ возможность жить литературнымъ трудомъ. Въ немъ онъ нашелъ впослѣдствіи и славу, и довольство, и полное обезпеченіе. Какъ и всѣ даровитые русскіе писатели, Крыловъ началъ съ неудачныхъ опытовъ, съ которыми однако старался явиться уже въ печати. 15-ти лѣтъ онъ написалъ комическую оперу «Кофейница» и трагедію «Клеопатра». Театръ надолго поглотилъ вниманіе молодого Крылова. И это было естественно, такъ какъ въ годъ прибытія Крылова въ Петербургъ, въ 1783 г., впервые открытъ былъ общедоступный театръ. Крыловъ вскорѣ же познакомился съ драматическимъ писателемъ, зятемъ извѣстнаго драматурга Сумарокова, Княжнинымъ, затѣмъ съ актеромъ Дмитревскимъ и друг. Крыловъ находитъ себѣ работу для

театра—переводы либретто къ операмъ, за которые получаетъ безплатный доступъ въ театръ и денежное вознагражденіе. Въ XVIII в., въ литературныхъ нравахъ было нерѣдкостью выводить личности въ сатирическихъ и комическихъ изображеніяхъ, особенно изъ міра литераторовъ. Конечно, выводили только враговъ. Написавъ нѣсколько неудачныхъ оперъ, трагедій и комедій, Крыловъ, оскорбленный чѣмъ то Княжниными, вывелъ супруговъ литераторовъ въ комедіи «Проказники». Это повлекло непріятности для Крылова: ему отказали въ даровомъ посѣщеніи театра и потребовали объясненій. Надо читать длинныя письма—объясненія Крылова къ Княжнинымъ, къ завѣдующему театрами Соймонову, чтобы видѣть, какъ ловко, колко и даже ядовито умѣлъ молодой Крыловъ защищать себя и въ тоже время наносить удары противникамъ. Однако все это нисколько не помогло дѣлу, и Крыловъ долженъ былъ подумать о другомъ поприщѣ: онъ выбралъ поприще журналиста. Оставивъ канцелярскую службу, Крыловъ присоединился къ издателямъ Рахманинову и Клушину. Это были горячіе поклонники Вольтера. Богачъ Рахманиновъ, тамбовскій помѣщикъ, завелъ даже въ своемъ помѣстьѣ типографію, въ которой напечаталъ переводъ почти всѣхъ сочиненій Вольтера; тоже онъ старался проводить и въ Петербургѣ. Клушинъ былъ крайній вольтерьянецъ—безбожникъ и довольно безнравственный человѣкъ. По преданіямъ, къ журнальной дѣятельности Крылова былъ близокъ и Радищевъ, авторъ «Путешествія изъ Петербурга въ Москву». Въ этой журнальной дѣятельности Крылова получаетъ начало его замѣчательное сатирическое направленіе. Въ «Почтѣ духовъ» (1789 г.), «Зрителѣ» (1792 г.) и въ «С.-Петербургскомъ Меркуріѣ» (1793 г.) онъ не забываетъ кольнуть своихъ театральныхъ враговъ, и сатира его принимаетъ болѣе серіозный характеръ. Справедливо указываютъ въ этой сатирѣ Крылова зародыши его басенъ. Въ «Почтѣ духовъ», въ одномъ изъ писемъ, представляются разговаривающими въ модномъ магазинѣ Англійская Шляпка, Французскій Токъ, Покоевый (спальный) Чепчикъ и Блондовая Косынка. Каждый изъ нарядовъ хвастаетъ своимъ преимуществомъ. Въ «Почтѣ же духовъ» у Крылова выводятся на сцену хвастливое *Полотно*, на которомъ изображена Венера, и насмѣшливый *Паукъ*, раскинувшій на немъ свою сѣть. Тоже самое встрѣчаемъ и въ другихъ повѣстяхъ, помѣщенныхъ въ «Зрителѣ». Л. Н. Майковъ въ приложеніи къ своей статьѣ о Крыловѣ напечаталъ впер-

вые изъ Рахманинскаго журнала 1788 — 89 г. «Утренніе часы» три басни, которыя по всѣмъ признакамъ приписываетъ Крылову. Это— «Новопожалованный Оселъ», «Олень и Заяцъ» и «Недовольный гостьми стихотворецъ». А если это такъ, то должно рушиться излюбленное заключеніе, что только въ 1806 г., т. е. на 40 году, Крыловъ нашелъ свою настоящую дорогу—басню. Давно уже указано, что нравоученія многихъ басенъ Крылова, ихъ сатирическое направленіе замѣчательно совпадаютъ съ подобными же сатирами въ журналахъ Крылова, въ его статьяхъ. Достаточно указать нѣкоторые предметы, которые называетъ самъ Крыловъ въ журнальныхъ статьяхъ: «развращеніе свѣта, наука убивать время, презрѣніе дворянъ къ наукамъ, неуваженіе къ ученымъ, участь художниковъ, о порокахъ писателей, крючкотворцы на судѣ и плутни ихъ, воръ государственный, мотовство на моды, откупщики, невѣжды, плуты разныхъ сословій», и проч. Крыловъ подходилъ уже въ своей сатирѣ къ объективному изображенію роковъ. «Пиши такъ, говоритъ онъ въ одной изъ своихъ статей, чтобы всякій улыбался, читая твои описанія, иные бы краснѣли, но чтобъ на тебя не сердился никто; вотъ искусство сатиры». Позднѣе въ одной изъ басенъ Крыловъ выразился, что «истина сноснѣе вполоткрыта». Въ то время какъ Крыловъ развивалъ сатиру въ прозѣ, онъ продолжалъ писать стихотворенія серіознаго содержанія: оды, переложенія псалмовъ, посланіе къ Анютѣ, къ другу, на случай фейерверка, къ счастью, посланіе о пользѣ страстей, и т. п. Въ этихъ стихотвореніяхъ рядомъ съ ложноклассическими чертами, проглядываютъ и сантиментальныя черты и даже мѣстами—народныя. Эти стихотворенія столько же интересны для объясненія стихотворной формы басенъ Крылова, сколько и для характеристики его настроеній, пережитыхъ въ концѣ XVIII ст. Крыловъ жалуется на то, что счастье не дается ему: «Когда у насъ, мой другъ, въ заводѣ ни яблоковъ моченыхъ нѣтъ... онъ въ Мессалинахъ скромность сыщетъ и встрѣтитъ святость у Лаисъ». Въ посланіяхъ къ Анютѣ онъ скорбитъ о своихъ увлеченіяхъ изъ-за любви— чинолюбіемъ, богатствомъ («какъ счастливъ тотъ, кто бригадиръ, кто можетъ вдругъ шестерку мучить»), даже стремленіемъ—«науки легкой банкъ метать, съ понтеровъ собирать оброки»! И все это вмѣсто прежнихъ мечтаній о «чинѣ человѣка, который я пошу въ природѣ», о чести, которая выше злата, о совѣсти, о покоѣ, о литературной славѣ, о высокихъ думахъ, о разумѣ. Но любовь Крылова, повидимому,

была неудачна, причину чему онъ самъ открывалъ въ своей неуклюжей фигурѣ. Литература такъ же пока не доставила счастья Крылову. И вотъ съ 1797 г. до 1805 г. онъ ведетъ скитальческую жизнь, бросивши службу въ Петербургѣ и занятія литературой. Изъ неполныхъ и неточныхъ свѣдѣній объ этомъ переходномъ времени въ жизни Крылова мы узнаемъ, что онъ большую часть времени провелъ въ семьѣ кн. Голицына, въ качествѣ домашняго человѣка съ талантами учителя, музыканта, отчасти домашняго секретаря. Долгое время Крыловъ прожилъ въ селѣ Козацкомъ [1]), побывалъ въ Саратовскихъ имѣніяхъ князя, а съ 1801 пробылъ нѣкоторое время въ Ригѣ, гдѣ кн. Голицынъ занималъ должность генералъ-губернатора. Скитальческая жизнь Крылова, о которой извѣстный Вигель въ своихъ Воспоминаніяхъ выразился, что Крыловъ въ это время былъ «неимущимъ безпечнымъ юношей, который не имѣлъ собственнаго угла и всегда гостилъ у кого-нибудь», «надѣялся даже заграницей получить новыя впечатлѣнія»; но вслѣдствіе превратности судьбы, вмѣсто заграницы, попалъ на нижегородскую ярмарку, гдѣ велъ азартную игру въ карты и былъ, кажется, въ выигрышахъ. Кромѣ стихотвореній Крыловъ написалъ за это время, вѣроятно, комедіи «Модная лавка», «Урокъ дочкамъ» и нѣсколько басенъ, изъ которыхъ двѣ рѣшился показать извѣстному въ то время поэту и баснописцу—Дмитріеву. Свиданіе съ Дмитріевымъ, занимавшимъ видное мѣсто и въ служебномъ и въ литературномъ отношеніяхъ, рѣшило судьбу Крылова. Напечатавъ въ 1807 г. двѣ свои комедіи, Крыловъ весь предался однимъ баснямъ. Въ 1809 г. онъ уже могъ выпустить первое изданіе 23 своихъ басенъ, которое съ восторгомъ привѣтствовалъ Жуковскій въ критической статьѣ «О баснѣ и баснях Крылова». Литературныя знакомства доставили еще въ 1809 г. Крылову мѣсто на монетномъ дворѣ, а съ 1812 г. онъ поступилъ на службу въ Императорскую Публичную библіотеку, на которой и пробылъ до 1841 г., выйдя въ отставку съ пенсіей до 12,000 р. въ годъ. Слава выдающагося баснописца доставила Крылову не только почетъ среди литераторовъ, который въ 1811 г. выразился въ возведеніи Крылова въ академики, въ блестящемъ торжественномъ юбилеѣ 1838 г., но также почетъ при Дворѣ и расположе-

[1]) *С. Козацкое*, Звенигород. у. Кіев. губ., почти въ 15 верст. къ В. отъ уѣзди. города.

ніе двухъ императоровъ, Александра I и особенно Николая I. Плетневъ въ своей извѣстной біографіи Крылова, которая постоянно помѣщается при изданіи басенъ Крылова, далъ довольно подробную характеристику жизни баснописца въ эту вторую вполнѣ обезпеченную покойную половину его жизни—въ Публичной библіотекѣ и въ отставкѣ на Васильевскомъ островѣ. Кто не помнитъ безпорядка въ квартирѣ Крылова, его дивана, надъ которымъ висѣла картина, свѣсившись на одномъ гвоздѣ, пыли и неряшливости, господствовавшей во всей квартирѣ, между прочимъ и потому, что баснописецъ любилъ по утрамъ кормить голубей и воробьевъ въ растворенныхъ окнахъ и форточкахъ. Чтеніе пустыхъ романовъ, сытные обѣды, игра въ карты или дремань въ англійскомъ клубѣ и интимная жизнь въ радушномъ семействѣ Олениныхъ — вотъ черты этой поэтической лѣни, которую только воспѣвали молодые русскіе поэты въ началѣ настоящаго вѣка, а Крыловъ переживалъ въ жизни. Онъ не вступалъ въ споры, ни изъ за чего не волновался; только литературная слава, повидимому, оставалась постояннымъ стремленіемъ Крылова. Плетневъ, біографъ Крылова, находилъ нѣкоторое оправданіе этой жизни Крылова въ томъ, что «онъ доказалъ, что мелочное честолюбіе, чиновническое или писательское, не общая у насъ слабость»; однако онъ же называетъ Крылова холоднымъ мудрецомъ и удивляется его праздному благоразумію, безжизненной мудрости, равнодушію къ высшимъ интересамъ человѣческаго бытія, покою безстрастія. Тоже повторяютъ всѣ выдающіеся изслѣдователи Крылова, исключая нѣкоторыхъ, какъ Грютъ (Вѣстникъ Европы, 1868 г., мартъ, «Сатира Крылова»), которые называютъ эту жизнь просто «тихой и скромной жизнью». Крыловъ обладалъ замѣчательнымъ здоровьемъ, но въ концѣ жизни онъ подвергался два раза ударамъ. Нерасположеніе его къ лѣченью и врачамъ, выразившееся и въ басняхъ, приводило его къ небрежности въ излишествахъ стола, отъ чего, какъ я уже упоминалъ, онъ и померъ на 77 году жизни. Смерть Крылова въ 1844 г. вызвала небывалое для русскаго писателя вниманіе, начиная съ Высочайшаго Двора до всѣхъ жителей Петербурга. На похороны баснописца было отпущено 9000 р. асс. При отпѣваніи въ Исакіевскомъ соборѣ почившій баснописецъ лежалъ въ гробу съ лавровымъ вѣнкомъ на челѣ, съ цвѣтами на груди отъ императрицы Александры Ѳеодоровны; гробъ вынесли изъ собора «военные генералы и первоклассные государственные чиновники»; студенты Петербургскаго университета поддерживали балдахинъ и несли ордена. За гробомъ баснописца по пути въ Александро-Невскую лавру двигалась такая толпа, что заняла весь Невскій проспектъ. На другой день, послѣ смерти Крылова, было разослано 7-е изданіе его басенъ разнымъ представителямъ русскаго образованія въ Петербургѣ до 1000 экземпляровъ. Наконецъ, тотчасъ же послѣ смерти Крылова, возникла мысль о постановкѣ ему памятника, въ Петербургѣ по подпискѣ во всей Россіи, который и воздвигнутъ былъ въ Лѣтнемъ саду въ 1855 г. Въ 1868 г. по всей Россіи былъ отпразднованъ столѣтній юбилей Крылова со дня его рожденія.

Переходимъ къ баснямъ Крылова. Прежде чѣмъ указать выдающіяся стороны всѣмъ намъ извѣстныхъ басенъ Крылова въ историческомъ, художественномъ и нравственномъ отношеніяхъ, я скажу нѣсколько словъ о связи художественной басни съ русской народной поэзіей и со сходными явленіями всемірной литературы. Отсюда будетъ понятно, почему эта отжившая форма литературы и у насъ и у другихъ европейскихъ народовъ, напр. у французовъ, въ лицѣ знаменитаго Лафонтена, получила и народное, и педагогическое, и вообще распространенное нравственное значеніе. Одной изъ самыхъ древнихъ и самыхъ распространенныхъ формъ народной поэзіи являются сказки о животныхъ, о растеніяхъ, даже о неодушевленныхъ предметахъ, которые представлялись въ глубокой древности человѣкоподобными существами. Нѣкоторыя изъ этихъ сказокъ дошли до насъ въ старинныхъ памятникахъ Индіи, Египта, Палестины и восходятъ за много вѣковъ до Р. Хр. Эти чудные разсказы распространены и въ настоящее время по всему свѣту, среди дикарей Африки и Австраліи. Нѣкоторое сходство этихъ разсказовъ объясняется общечеловѣческими воззрѣніями. Въ глубокой же древности изъ этихъ сказокъ о животныхъ и проч. развились краткіе апологи съ нравоученіями. На Востокѣ существовало много такихъ сборниковъ древнихъ басенъ, въ родѣ индійской Панчатантры, которыя вызвали художественныя басни Эзопа. Съ Эзопа и Федра въ европейской литературѣ идетъ длинный рядъ передѣлокъ и новыхъ басенъ до художественныхъ созданій Лафонтена, Крылова и др. Эти басни распространялись и въ народѣ въ средніе вѣка: въ народныхъ книгахъ, въ примѣрахъ, которые любили приводить проповѣдники, и такимъ образомъ сливались съ народными сказками о животныхъ. Въ древней славяно-русской

литературѣ слово «басня» употребляется уже въ XI в. въ смыслѣ греческаго μῦθος. Есть древнія церковныя запрещенія «басни баять и въ гусли густи». Въ славяно-русской литературѣ съ древнѣйшихъ временъ были извѣстны сборники басенъ, переведенныя съ греческаго, какъ «Стефанитъ и Ихнилатъ». Однако опредѣленныя указанія на Эзопа не восходятъ ранѣе XVI в. Слова—«басня», байка—распространены среди русскаго народа. Искусственная басня имѣетъ еще тѣсную связь съ народными пословицами. Давно уже замѣчается выдѣленіе пословицъ изъ сказокъ, изъ басенъ. Покойный проф. нашего университета А. И. Селинъ, въ рѣчи о Крыловѣ въ 1868 г., довольно остроумно указалъ слѣды басенъ въ разсказахъ древнѣйшей лѣтописи и Патерика Печерскаго. Такъ, по его мнѣнію, древляне отвѣчали кн. Игорю аллегорическимъ примѣромъ, представляя себя овцами, а князя волкомъ; такъ въ Печерскомъ Патерикѣ инокъ Матвѣй прозорливый передавалъ свои наблюденія надъ немощами человѣческой природы въ иносказательныхъ разсказахъ объ ослѣ и бѣсѣ. Мы, съ своей стороны, склоняемся къ мысли, что эти примѣры древне-русскіе писатели могли заимствовать изъ византійской литературы. Но обратимся къ баснямъ Крылова.

Не было писателя въ XVIII в., который бы не отдалъ дани баснѣ; начиная съ Кантемира басни писали у насъ Ломоносовъ, Сумароковъ, Хемницеръ, Дмитріевъ, изъ которыхъ два послѣдніе были самыми замѣчательными предшественниками Крылова. Лафонтенъ и классическіе баснописцы служили оригиналами для переводовъ и подражаній русскихъ писателей до Крылова. Предшественники Крылова замѣчательно уже выработали языкъ и стихъ басни; но Крыловъ оживилъ эту форму внутреннимъ содержаніемъ, внесши въ нее черты русской природы, русскаго быта, русскихъ понятій. Изъ 200 басенъ Крылова только до 40 басенъ основаны на Лафонтенѣ и др.; но и эти переводныя басни полны оригинальности. Знаменитая Крыловская басня «Стрекоза и Муравей» основана на баснѣ Лафонтена La Cigale et la Fourmi; но, начиная съ характеристики насѣкомыхъ, до подробностей въ ихъ отношеніяхъ—все своеобразно у Крылова. Только въ короткое русское лѣто «Попрыгунья Стрекоза лѣто красное пропѣла, оглянуться не успѣла, какъ зима катитъ въ глаза, помертвѣло чисто поле». Хемницеръ, вѣрный Лафонтену, перевелъ: «Все лѣто Стрекоза въ то только и жила, что пѣла, а какъ зима пришла,

такъ хлѣба ничего въ запасѣ не имѣла». Только русскій баснописецъ могъ сказать: «не оставь меня, кумъ милый», «кумушка, мнѣ странно это», «до того-ль, голубчикъ, было». У Лафонтена стрекоза обѣщаетъ къ августу уплатить и долгъ и проценты, но муравей не податливъ на ссуду и отказываетъ заемщицѣ. Изъ этой народности образовъ Крылова вытекаетъ ихъ глубокая художественность. Крыловъ внимательно обрабатывалъ языкъ и изложеніе своихъ басенъ, на что указываютъ переработки почти всѣхъ басенъ въ черновыхъ, дошедшія до насъ. Въ этихъ художественныхъ миніатюрныхъ драмахъ и повѣстяхъ изъ міра природы и человѣка все подобрано, какъ въ мозаичныхъ картинахъ, со вкусомъ. Давно уже замѣтили, что самый стихъ, самый подборъ словъ показываютъ у Крылова движеніе его картинъ. Вотъ тащится въ гору по песку въ лѣтній зной тяжелый рыдванъ, и описаніе это представляется въ медленныхъ стихахъ, въ подборѣ тяжеловѣсныхъ словъ: «въ іюлѣ, въ самый зной, въ полуденную пору, сыпучими песками, въ гору, съ поклажей и съ семьей дворянъ четверкою рыдванъ тащился». Но въ той-же баснѣ «Муха и дорожные» муха представлена въ слѣдующихъ легкихъ, летучихъ и суетливыхъ стихахъ: «вокругъ повозки суетится, то подъ носомъ юлитъ у коренной, то лобъ укуситъ пристяжной, то вмѣсто кучера на козлы вдругъ садится, или, оставя лошадей, и вдоль и поперекъ шныряетъ межъ людей». Поэтическіе образы животныхъ, растеній и неодушевленныхъ предметовъ, какъ ларчикъ, тришкинъ кафтанъ, алмазъ, мѣшокъ, голикъ, котелъ и горшокъ, двѣ бочки, отличаются поразительной правдивостью, полнотой художественнаго очертанія и въ тоже время тѣмъ наивнымъ одухотвореніемъ, которое свойственно младенческимъ представленіямъ древнихъ сказокъ животнаго эпоса и восточныхъ басенъ. Картинность и музыкальность составляютъ достоинство басенъ Крылова. Тонкій живописецъ въ изображеніи своихъ героевъ, Крыловъ въ такой же мѣрѣ вдохновенный поэтъ въ проповѣди правды и добра въ нѣкоторыхъ своихъ нравоученіяхъ: «о вы, кому въ удѣлъ судьбою данъ высокій санъ! Вы съ солнца моего себѣ примѣръ берите! Смотрите: куда лишь лучъ его достанетъ, тамъ оно—былинкѣ-ль, кедру-ли—благотворитъ равно, и радость по себѣ и счастье оставляетъ; за то и видъ его горитъ во всѣхъ сердцахъ—какъ чистый лучъ—въ восточныхъ хрусталяхъ—и все его благословляетъ».

Въ басняхъ Крылова вся природа тѣсно слита съ людьми. Человѣкъ поучается въ этой природѣ. Но много басенъ, въ которыхъ непосредственно выступаютъ люди. Вотъ вельможи, рыцари, богачи, судьи, купцы, откупщики, разборчивая невѣста изъ купеческаго сословія и бароны женихи, госпожа и двѣ служанки, но больше всего крестьянъ-мужиковъ. И какіе они естественные русскіе типы эти два мужика, три мужика, Демьянъ и Фока, извощики, разбойники, работники, пастухи, мельники, мірской сходъ, и проч. Мы нисколько не преувеличимъ, если скажемъ, что Крыловъ и Кольцовъ указали путь, расчистили дорогу для беллетристовъ - народниковъ, выступавшихъ съ 50-хъ годовъ. Кто не согласится, что крестьяне Некрасова въ «Кому на Руси жить хорошо» ни дать—ни взять три мужика Крылова. Есть у Крылова и сочинители; онъ ихъ, очевидно, такъ же не долюбливалъ, какъ и докторовъ. Черта времени.

Мы отыскиваемъ теперь въ басняхъ Крылова общую мораль; мы выводимъ примѣненіе къ различнымъ обстоятельствамъ, къ различнымъ лицамъ. Не такъ смотрѣли на басни Крылова современники. Чуть не въ каждой баснѣ его они видѣли намеки—иногда довольно откровенные, въ родѣ такихъ, какъ «когда Смоленскій князь Вандаламъ новымъ сѣть поставилъ и на погибель имъ Москву оставилъ». По преданіямъ до насъ дошли немногія разъясненія о лицахъ, на которыя намекалъ Крыловъ, какъ Кутузовъ, Чичаговъ, Наполеонъ, Сперанскій, писатели Бесѣды любителей русскаго слова, Гречъ и Булгаринъ и пр. Несомнѣнно, что въ нѣкоторыхъ басняхъ Крыловъ писалъ pro domo sua, изображая своихъ литературныхъ противниковъ или защищая свои взгляды. Что современники Крылова жадно ловили его басни, списывали ихъ еще до печати и примѣняли къ современности, хотя самъ баснописецъ не открывалъ своихъ намековъ даже самымъ близкимъ людямъ, друзьямъ и роднымъ, видно изъ препятствій, какія ставила нѣкоторымъ баснямъ Крылова цензура. Басня «Вельможа», намекающая на нѣкоторыя злоупотребленія въ нашихъ старыхъ судахъ и администраціи, была задержана гр. Уваровымъ и цѣлый годъ пролежала у министра. А между тѣмъ на одномъ изъ экзаменовъ въ пажескомъ корпусѣ читали эту басню на экзаменѣ. Послѣ того уже, по преданію, Крыловъ обратился къ императору Николаю Павловичу, и государь разрѣшилъ напечатать эту басню. Иногда въ первоначальныхъ наброскахъ Крылова мы находимъ болѣе рѣзкія черты нравовъ, которыя позднѣе сглаживаются. Немало басенъ Крыловъ посвятилъ занимавшему его вопросу о воспитаніи, причемъ сильно обличалъ поклоненіе иностранцамъ, космополитизмъ и другія уклоненія отъ тѣхъ идеаловъ науки и ученья, которые Крыловъ въ басняхъ же защищалъ отъ невѣждъ. Извѣстно, что «важнѣйшей наукой» Крыловъ считалъ «знать свойство своего народа и выгоды земли своей» (Воспитаніе Льва).

Среди басенъ самъ Крыловъ отличалъ «были» изъ жизни людей. Это то, что у французскаго баснописца носитъ названіе contes. Эти «были», напоминающія народное противоположеніе «сказокъ и былинъ», приводятся Крыловымъ рядомъ съ баснями: «я эту басенку вамъ былью поясню», говоритъ онъ въ баснѣ «Ворона»; «Матренѣ, дочери купецкой, мысль припала», и пр. Въ баснѣ «Прихожанинъ» Крыловъ предлагаетъ: «но вмѣсто басни быль на это вамъ скажу». И басни и были имѣютъ цѣлью представить «святыя истины, правду, мысли самыя простыя», но которыя безъ примѣровъ, безъ доказательствъ, безъ напоминаній—легко забываются и съ трудомъ припоминаются людьми, когда «никто не любитъ узнавать себя въ сатирѣ», когда, вслѣдствіе слабостей и пороковъ, люди не рѣдко гонятъ и правду. И вотъ баснописецъ въ своихъ скромныхъ «басенкахъ» осторожно, «съ шуткой по поламъ», доказываетъ на живыхъ примѣрахъ и то «не трогая ни чьего лица» святыя истины, обличаетъ пороки, поддерживаетъ правду. Поясненія, толкованія его выражаются нерѣдко въ пословицахъ, какъ народныхъ, такъ и самостоятельно составленныхъ, причемъ скромность моралиста доходитъ до выраженій: «ну какъ не согрѣшишь, не скажешь, что у него пушокъ на рыльцѣ есть». Недомолвки, намеки, вызываемые тѣмъ, чтобы—«гусей не раздразнить», придаютъ баснямъ Крылова тонкое значеніе, и кто не понимаетъ такихъ намековъ, какъ: «а онъ украдкою киваетъ на Петра, худыя пѣсни соловью въ когтяхъ у кошки, что моська лаетъ на слона, коль выгонятъ въ окно, такъ я влечу въ другое» и т. д.

На чьей же сторонѣ симпатіи поэта-баснописца? Вотъ «Дубъ и Трость», изъ которыхъ бѣдная тростинка переноситъ бурю, а гордый, могущественный дубъ гибнетъ въ этой бурѣ. Вотъ «Василекъ» въ глуши расцвѣтшій—вдругъ «захирѣлъ, завялъ почти до половины и, голову склоня на стебелекъ, уныло ждалъ своей кончины»; «но солнышко взошло, оживило и Василекъ». Цѣлебный ключъ, дворовый

Барбосъ, Пчела, Овцы, Чижъ и Соловей противопоставляются, защищаются баснописцемъ противъ Водопадовъ, Жуковъ, Орловъ, Волковъ, и пр. «Безсильному не смѣйся, и слабаго обидѣть не моги»—вотъ возвышенная мораль многихъ Крыловскихъ басенъ...

Счастливъ, кто на чредѣ трудится знаменитой:
Ему и то ужъ силы придаетъ,
Что подвиговъ его свидѣтель цѣлый свѣтъ.
Но сколь и тотъ почтенъ, кто въ низости сокрытый,
За всѣ труды, за весь потерянный покой,
Ни славою, ни почестьми не льстится,
И мыслью оживленъ одной,
Что къ пользѣ общей онъ трудится.

Вотъ золотыя слова Крылова, которыя можно примѣнить къ самому баснописцу и къ его басенкамъ. Вотъ, можетъ быть, и оправданіе для его характера, въ которомъ находили лѣнь, скрытность, равнодушіе, добродушную хитрость, даже узкость нѣкоторыхъ взглядовъ; но за то въ этомъ характерѣ баснописца и въ его знаменитыхъ твореньяхъ не было ничего, что нарушало бы основныя представленія о человѣческой нравственности. Крыловъ и останется навсегда такимъ проповѣдникомъ общечеловѣческой нравственности и оригинальнымъ выдающимся русскимъ поэтомъ.